

³ См.: Черемисина М. И. О двух типах эксперимента в лингвистике // Изв. СО АН СССР. Сер. II. Обществ. науки. Вып. 3. 1978. С. 121—126; Лукьянова Н. А. О некоторых аспектах изучения экспрессивно-выразительной лексики диалектного языка // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1988. С. 96—111.

⁴ См.: Рыжжина О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке: (в сопоставлении с английским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

⁵ См.: Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.

⁶ См.: Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии: Учеб. пособие для студ.-филологов. Новосибирск, 1979.

⁷ Частично эти вопросы уже обсуждались в литературе. См., напр.: Гриндин В. Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

⁸ См.: Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики. М., 1975.

⁹ См. об этом: Рыжжина О. А. Эксперимент в исследовании экспрессивной лексики русского языка // Исследование языков народов СССР. Новосибирск, 1985. С. 58—64.

О. А. ГАБИНСКАЯ
Орловский пединститут

Новообразования в разговорной речи и языковая паспортизация

Для исследования живой речи в региональном плане немало важное значение может иметь выявление общих закономерностей, характерных для разговорной речи. Е. Г. Ковалевская отмечает омонимия лексемы «разговорный» в терминах «разговорный тип литературного языка» и «живая разговорная речь» (общенародный язык). «Иначе говоря, — пишет она, — мы употребляем наименование «разговорный» для обозначения одной из двух функциональных разновидностей национального языка (противопоставление: литературный язык — живая разговорная речь), и для обозначения одного из типов литературного языка (противопоставление: разговорный — книжный тип литературного языка)»¹. В данной статье мы анализируем «разговорный тип литературного языка».

Разговорная речь в концепции Е. А. Земской противопоставляется разговорному (сниженному) стилю разговорного языка; вместе с тем «разговорная речь как особая разновидность литературного языка является тем источником, откуда сниженный стиль черпает экспрессивные, в первую очередь лексические, средства»².

Такие свойства разговорной речи, как установка на неофициальное общение, непринужденность, значительная зависимость от ситуации, спонтанность³, приводят к созданию слов с ярко выраженной стилистической характеристикой, экспрессией, эмоциональностью, оценочностью.

В исследованиях разговорной речи Е. А. Земской и ее соавторов, а также в работах З. С. Санджи-Гаряевой, А. А. Капанадзе и Е. В. Красильниковой, В. С. Верещагиной, в текстах «Русская разговорная речь» приводятся многочисленные факты новообразований современной русской разговорной речи⁴. В данной статье анализируется разговорная речь, отраженная в письменных источниках. Некоторые из них можно считать документальными. Это опубликованные письма, заметки, статьи, книги людей различных возрастов, занятий и профессий. Например, шофер-таксист пишет в «Литературную газету»: «Если этот «мастер» работает в аэропорту, то и пассажиров он набирает таких, которым надо ехать в другой аэропорт. Если работает на вокзале, то отбирает седаков, которым надо на другой вокзал. Действуют эти «мастера» открыто и нагло. Потому что у «аэродромщиков» есть свои контролеры в аэропортах, а у «вокзальщиков» — на вокзалах». В книге известного ученого-хирурга Ф. Углова «Сердце хирурга» (Л., 1987) находим окказиональное слово «озлокачествиться»: «...может ли эта костная опухоль, которая в настоящее время по всем признакам является доброкачественной, «озлокачествиться», и когда нужно ждать этой катастрофы?»

Документальными можно считать также свидетельства журналистов, передающих особенности речи людей: В своих записях в этом «откровеннике» они старались, конечно, быть чуточку значительнее, лучше, выше (Г. Швец); — Я сделаю «палтусоловку», — заявил он на пресс-конференции, состоявшейся сразу после испытаний. — Что, что?! — спросили мы хором. — Ну, тогда «камбалоловку», неохотно пояснил нам Пишулин (А. Репин); Как-то приехали в Свердловск три полумоечные машины. Острики быстро окрестили их «бомбомоечными». Работая, эти машины так рычали и скрежетали, что с потолков сыпалась штукатурка (И. Тетерин).

По свидетельству Н. Ильиной, А. А. Реформатский часто содавал шутливые, яркие, нередко каламбурные образования: «Стоило одной его старой приятельнице увлечься изучением новой китайской философии, как она получила прозвище: «Маоцзедуня». Один из сотрудников А. А. мне рассказывал, что во время ученого спора Реформатский сказал своему оппоненту: «У нас с вами не разногласие, а разноглаЗие!»; «Свою жизнь до нашего с ним знакомства он называл насмешливо «анте-натальный» период»⁵. Факты словотворчества, приведенные Н. Ильиной, особенно интересны потому, что она дает подробное описание ситуации, вызвавшей образование слов, значения и мотивированности их: «Все ближе экзамены, все ближе судный день диплома — вот к чему надо быть готовой, вот что занимало мои мысли. И горячо поддерживалось Александром Александровичем: «Надо дуванить свой дуван!» Это означало: стремиться делать свое дело как можно лучше, не отвлекаясь на то, в чем твоего участия не требуется, на то, что ты изменить не в силах. Эту фразу с татарским словом «дуван» и самовольно произведенным от него глаголом «дуванить» тогда я ус-

лыхала от Реформатского впервые, а предстояло мне ее слышать еще множество раз!»; «Лакмейская!» — объявил А. А., впервые увидев мое жилище, — гораздо он был давать прозвища людям и местам! «Лакмейская» — соединение двух слов: «лакейская» и «Лакме». Именно в это время опера «Лакме» шла в Большом театре, я ее слушала вместе с приятельницей, музыковедом из Казани, поэтому-то догадалась, откуда взялось слово «лакмейская». Так и прилепилась эта кличка. Годы спустя она мелькала в наших разговорах. «А помнишь, когда я жила в «лакмейской»... «Это было еще в «лакмейскую» эпоху...»⁶

Новообразования современной русской разговорной речи широко представлены в художественных текстах. Возможность привлечения фактов художественной литературы для характеристики разговорной речи далеко не бесспорна. Н. Ю. Шведова ставит вопрос о том, «можно ли использовать художественно-литературные тексты для изучения «говоримой речи», и отвечает на него следующим образом: «Конечно, здесь нет «фотографического» воспроизведения, слепого копирования. Но, как показывает специальное изучение обширных материалов, извлеченных из произведений очень многих прозаиков и драматургов реалистической школы, здесь нет и изменения существующих в языке форм, каких-либо сознательных отступлений от языковой нормы»⁷.

В книге К. Кожевниковой подчеркивается, во-первых, отсутствие тождества между спонтанной устной речью в ее естественных условиях и ее воспроизведением в художественной прозе путем репродукции; во-вторых, отмечается качественное преобразование спонтанной устной речи, обусловленное в первую очередь «стремлением к индивидуализации личного диалекта персонажей, к использованию их речи в функции характерологической и к демонстрации собственно авторской стилистической активности»⁸. Отличие художественной репродукции устной спонтанной речи от ее естественной модели К. Кожевникова усматривает в гораздо большей стилистической концентрации⁹. «Совершенно ясно, — пишет Д. Н. Шмелев, — что в художественной литературе только целенаправленно отражается то, что наблюдается в «речевом поведении» самих говорящих»¹⁰.

В разговорной речи персонажей неоднократно встречаются факты словотворчества (или использования новообразований, кем-то созданных и усвоенных героями произведений): — Председатель у нас ловкач, — размышлял по дороге Павел, — умеет извернуться. Асфальтовку по деревне проложил? Проложил... (В. Киселев); Дверь из тамбура отворилась, вошла, мурлыча что-то веселое, занесенная снежной куржавью Гела. «Трудишься, муж? Бумажистика, непонятная и ненужная мне, веселой женщине...» (М. Ганина); — Вы, часом, не нудисты? — поинтересовался Игорь. — Мы нудисты, — засмеялся Кирилл. — Все время издеваемся над собой: делаем зарядку, стоим на голове, купаемся в проруби, два раза в год голодаем и собираемся перейти на сыроедение (Ю. Нагибин).

Значительная стилистическая концентрация, в которой на первый план выдвинуты неологизмы разговорной речи со сниженным фамильярно-пренебрежительным, ироническим оттенком, характерна для речи одного из отрицательных персонажей романа Е. Евтушенко «Ягодные места» (Москва, 1981. № 10—11): «Заведующий поэтическим отделом одного из журналов, автор бесчисленных песен, с лицом вынюхивающего ветер койота телерадиоджунглей, небрежно бросил Кривцову, придавив его рукопись пачкой «Мальборо»: — Нужен паровоз. — Какой паровоз? — искренне удивился Кривцов. — Какой-нибудь идейный **стиш**, который потянет за собою все другое. Что-нибудь про КамАЗ, про целину.. Не прикидывайся **наивнячком**. — Я не специалист по паровозостроению, — мрачно сказал Кривцов и выдернул рукопись из-под пачки «Мальборо».

Словотворчество разговорной речи нередко наблюдается в авторском повествовании от первого лица: Семьдесят лет на двоих — того и гляди, **заюбилеют** (Р. Киреев); Неужели ей нравится мой **мрачняга**? (Ю. Нагибин); Мы запирались в бывшей пионерской комнате, зажигали свечу и шептались; мимо наших дверей изредка проходили тактичные **сокартошники** (Л. Корнеева).

Разговорная речь отражена не только в прямой речи или в авторском повествовании от первого лица, но и в виде «вкраплений» в речь автора, где он в той или иной форме указывает «источник» созданного слова: Мигал экран, шипел, шел рябью. Поначалу так было со всеми телепередачами из Москвы. Местные остряки называли его «**елевидением**» (Г. Щербакова); Дверь отворила мамаша Николаева... Алена про себя называла ее «**жабка**» — уменьшительное от слова «жаба». Жаба — грубо, а жабка — как раз (В. Токарева); Крылов обладал поистине незаурядной способностью доводить Меньшикова до запальчивости, и делал это обыкновенно не наедине с «**литературщиком**», так он называл своего коллегу, а в присутствии кого-то третьего, например, завуча или директора (А. Малышев); Тогда Николай Евдокимович **кризанул**, по определению лечащего врача (О. Смирнов); Нет, этот юбилей надо бы **обанкетить**, как говорит неподобный С. С. Голошубин (О. Смирнов); И что он в итоге? Исполнитель чужих указаний. Судоводитель. **Водила**, как говорят таксисты (Л. Князев).

На основании сведений, извлеченных из художественных произведений, возможно составить своеобразный паспорт говорящих. Характеризуя разнообразную социальную информацию, передаваемую знаком и выражаемую различными языковыми средствами, И. А. Стернин использует термин «языковой паспорт говорящего», предложенный Е. Д. Поливановым, поскольку этот термин «благодаря яркой метафоричности хорошо передает сущность обозначаемого явления»¹¹. Языковой паспорт говорящего включает различные признаки: пол, географическое происхождение или место жительства, возраст, эмоциональное состояние в момент речи, физическое состояние, характер действий, уровень культуры, степень

образованности, профессиональную и социальную принадлежность¹². В данной статье предполагается дать возрастную и социально-профессиональную характеристику говорящих, в речи которых наблюдаются факты словотворчества.

Творцами слова являются люди разных возрастных групп. Известно, что словотворчество широко распространено в детской речи; это отражено в работах К. И. Чуковского, А. Н. Гвоздева, Т. Н. Ушаковой, М. И. Черемисиной и А. В. Захаровой, С. Н. Цейтлин и др.¹³ Однако общая речевая деятельность детей настолько специфична¹⁴, что выявление причин детского словотворчества требует особого подхода, учитывающего, в частности, уровень усвоения детьми закономерностей языковой системы и нормы. Г. А. Черемухина выделяет «собственно детскую словообразовательную номинацию». «...Процесс создания производной единицы в детской речи, — пишет она, — определяется иной, чем у взрослых, формой предметной деятельности, иными формами психического отражения (представлением в отличие от понятия), иным запасом и уровнем владения языковыми средствами и механизмами»¹⁵.

Охотно занимаются словотворчеством подростки: «Портретниками» в нашем школьном филателистическом кружке называли тех, кто собирал марки с портретами... Андрей же принадлежал к «зверинщикам» — он собирал так называемые красивые марки; особенно он любил изображения разных экзотических зверей (В. Шефнер); А я... В кои-то веки человек выучил историю... и вот тебе на! — доразминался (речь идет о разминке в КВН. — О. Г.) (М. Вишневецкая).

Часто наблюдаем новообразования в разговорной речи юношей и девушек¹⁶. Когда у него попросили стихи для стенгазеты к Первому Мая, Кривцов мрачно ответил: — Я не специалист по датской поэзии. — Какой это — датской? — удивленно переспросила хорошенькая Алла, редактор стенгазеты, дочь заместителя директора ресторана «Восточный». — Датская поэзия — это стихи к датам, — насмешливо пояснил Кривцов; — Эти пенсы все большие фантазеры. — Какие пенсы? — не понял рыжий лидер. — Пенсы — это английская мелкая монета. — Пенсионеры, — нехотя пояснил Селезнев; — Я не ответствен за материнскую сыноустроительную дрожь, — ответил Селезнев-младший, закладывая биографию Черчилля паркеровской ручкой (Е. Евтушенко).

Представители средней возрастной группы также склонны к словотворчеству: — Умник, — сказала Нелли. — Романтичка, — ответил Марат (В. Кожевников); — ...Иногда и в ясный день землю начинает бить лихорадка. Или вулкан просыпается... А люди? Живут себе потом на склонах горы, возле кратера, и пепел туристам предлагают в качестве сувенира. Сам однажды купил... Конечно, учитывают вулканьи повадки, но живут (А. Алексин).

Встречаются факты словотворчества и в речи пожилых людей: — Дуракавалянием вы можете заниматься и без начальства, — буркнул он и, распрямившись, стройный и худой, как юноша, за-

шагал к зданию КБ (В. Еременко); Дмитрий Семенович угрюмо промолчал да вдруг и выпалил: — На фронте было хорошо: никакого интереса к деньгам — от **безнадобности** (В. Кожевников).

Даже предварительные наблюдения показывают, что новообразования в большей степени типичны для разговорной речи молодежи, что, по-видимому, можно частично объяснить особенно сильным стремлением к преодолению стандарта, к экспрессивности, а часто и к фамильярно-сниженной, интимной форме выражения.

Социально-профессиональная характеристика говорящих — создателей слов также достаточно разнообразна. Словотворчество характерно для речи школьников и студентов (см. выше: валидолина, доразминаться, пенс, сокартошники и др.). Школьники — герои повести Г. Михасенко «Милый Эп» довольно активно создают новые слова: безмужье, суперсчастливый, заопасться, поприслушавшись, расцицерониться, ромеоджультничать, заскафандренно, по-нерусски и др. (Юность. 1974. № 8).

Словотворчество свойственно рабочим: Когда мастер сошел вниз, его окликнул Казаков: — А вчера вы на меня? Чего только не наговорили! Ну, не наговорили — **насмотрели!** — поправился он, захохотав. — Взгляд был — копье! (С. Снегов); Ты вот учиться хочешь — рот лишний. Сестра на выданье. А самому тебе **ображда-**
ниться на что? (Ю. Гейко). Встречаем новообразования также в речи инженера: Слушайте, плюньте вы на них, забирайтесь сюда... а то ведь и посоветоваться не с кем, а вы хоть что-то **шурупите** в электронике (П. Межирицкий). Разговорные неологизмы специального характера созданы летчиками: — Надо ведь, как хорошо все было, работал, ни с чем не считался, и вдруг оказался в **пред-**
посыльщиках... (предпосылка — ошибка в полете. — О. Г.); — А что, «**правака**» подстраховать нельзя было? — В том-то и дело, товарищ подполковник, что можно... Но «**боковик**» был... и я обе руки перенес на штурвал, помогал ему садить (В. Лесков).

Создают новообразования ученые: «Тетя Матрена, это — Станислав». Исчерпывающее объяснение! «**Этостанислав**» стоит перед ней в своем бесстыжем коротком пальто, в мохеровой шапке... (Р. Киреев), врачи: Ближе к двери лежал мужчина в гипсовой повязке, закрывавшей ему грудь до половины, а насколько она распространялась вниз, не видно было из-за одеяла. «Это или перелом, и уже в гипсе, или мой **радикулоколлега**»; Вася приходил к нам раз в неделю, мы его смотрели и продлевали ему больничный листок. **Боллисток**, как некоторые у нас говорят; Конечно, если б не Марта, никогда бы я не сумел столь ловко печь свои научно-популярные поп-сценарии... «**Левушка**, ты меня извини. От дела отрываю? Ты сейчас двигаешь науку или **научпопишь?**» (Ю. Кре-
лин).

Не чуждо словотворчество актерам: Актеры будут смеяться и, как выражается Боб Миронович, **злошутничать**; ...Привык, пригляделся, а вдруг увидел **сосвежа** и сам удивился (Ю. Трифонов); Ты же непременно наплодишь кучу **кальманят** (Ю. Нагибин),

Новообразования наблюдаем в речи художника и медсестры: Флейта оказалась сильнее вашего... э-э... ведьманства. — Ведьмачества, — серьезно поправила Тая (С. Абрамов), музыкантов: Это какая-то антиигра, — сказал он. — Победа состоит в поражении; И он прозвал меня «объявляла». «Объявляла» — так меня все и звали (А. Алексин).

Опыт возрастной и социально-профессиональной «паспортизации» творцов слова, не претендующий на сколько-нибудь исчерпывающий, окончательный характер, выявляет — в опосредованной форме — объективную картину распространенности словотворчества в разговорной речи. Поэтому мы не можем поддержать вывод М. И. Черемисиной и А. В. Захаровой о том, что «...взрослый носитель языка почти не испытывает потребности в придумывании нового слова для именования элементов своего опыта»¹⁷.

Приведенные тексты свидетельствуют о разговорном характере речи: о ее устной форме, непринужденности, спонтанности, зависимости от ситуации. Несмотря на вторичность, опосредованность проанализированного материала, он привлекает к себе внимание в том плане, что отражает наблюдения чутких к слову писателей, которые репродуцируют разговорную речь через призму своего художественного восприятия, таланта, художественного опыта.

Обычным для языка является взаимодействие между его функциональными разновидностями. Например, употребление неологизма в публицистике не всегда может свидетельствовать о его создании в пределах данной функционально-речевой сферы. Так, слова «незавершенка», «непрерывка», «выводиловка», по свидетельству журналистов, услышаны ими в разговорной речи, преимущественно на производстве: Отчасти за счет начатых, но незавершенных объектов — коров в эти «незавершенки» не загонишь, — но капвложения освоены; Коровник построен, но линия электропередачи проектом даже и не предусмотрена — опять **незавершенка**, опять нас бьют (Е. Лопатина); О системе непрерывного планирования и поточного строительства, или, как теперь принято говорить, орловской «**непрерывке**», уже опубликовано немало статей, написаны книги, созданы кинофильмы (А. Александров); Ничего удивительного: «**выводиловка**» любые перекуры покроет (из газ.). На новизну приведенных слов в какой-то степени указывает параллельное разъяснение их: **незавершенка** — начатые, но незавершенные объекты, **непрерывка** — система непрерывного планирования и поточного строительства.

Взаимодействие между функциональными разновидностями языка проявляется и в обратном процессе, т. е. выходе слова из публицистики в широкое употребление и, по существу, в разговорную речь. Слово «вещизм», содержащее явно отрицательную общественную оценку соответствующего явления, недавно вошло в активное употребление именно со страниц журналов и газет, например: Найдите сегодня такой круг молодежи, где на модную тему о вещах и «**вещизме**», о власти тряпок и безвластии духа не гово-

рили бы и не спорили с пылом и жаром (А. Региня); Но вряд ли верно сводить проблемы «вещизма» и «вещистой» психологии только к вопросу, как приобретаются вещи — трудом или нетрудным способом (В. Толстых); Стремясь к разумному материальному достатку и необходимому комфорту, мы не устаем бороться с явлениями накопительства, стяжательства, вещизма (Н. Машовец).

Об «освоении», распространенности слова «вещизм» свидетельствует, в частности, его употребление в письме в газету: Если хотите, это возрождение старинного обычая — даже вид борьбы с вещизмом. Молодожены освобождены от необходимости покупать, выбирать, искать (А. Ф. Просвирнова). Отвечая на это письмо, журналистка А. Грамоткина подчеркивает привычность использования слова «вещизм»: «Вот и в вашем письме странное слово «вещизм» поминается так же привычно и обыденно, как какая-нибудь «картошка» или «стирка».

Художественная литература также подтверждает факт распространности данного слова. Например. Ю. Бондарев в романе «Выбор» вводит его в речь персонажа: «Все человечество вы сейчас с ног до головы облили ядом, весь род людской в вещизме обвинили и обсмеяли, правду выдали замуж за лжеца-негодяя и оставили одни руины, как Мамай какой все копытами вытоптали!»

«Распределенность» новообразований по функциональным разновидностям языка, в том числе их употребление в разговорной речи, не всегда совпадает с присущими данным словам коннотативными (в первую очередь стилистическими) параметрами. Однако анализ коннотативных компонентов лексического значения выходит за рамки настоящей статьи.

Неологизмы разговорной речи созданы различными способами словопроизводства, по высокопродуктивным и малопродуктивным моделям (в точном соответствии с той или иной моделью или с некоторыми отступлениями от нее), а также по уникальным моделям, характерным лишь для окказионального словообразования. Создание новых слов, не однотипных по своим семантическим, словообразовательным, функциональным признакам, — процесс типичный для разговорной речи.

Языковая паспортизация новообразований позволяет осуществить социолингвистический подход к подобного рода процессам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 9.

² Русский язык. Энцикл. М., 1979. С. 249.

³ Об этом см.: Земская Е. А. Русская разговорная речь (Прспект). М., 1968; Она же. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. В дискуссии о статусе разговорной речи заслуживает внимания позиция ученых, считающих разговорную речь функциональным стилем литературного языка; соответствующие аргументы см.: Васильева А. Н. Функциональное направление в лингвистике и его значение в преподавании русского языка как иностранно-

го: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. С. 35—37. Обзор точек зрения по данному вопросу см.: Шимонюк М. Существует ли разговорный стиль // *Prace językoznawcze. Fulologia rosyjska*, 5. Katowice, 1980.

⁴ См.: Санджи-Гаряева З. С. Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи: (Имя существительное): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; Капанадзе А. А., Красильникова Е. В. Об актуализации морфемной членности слов в речи: (Употребление префиксальных глаголов в устной речи) // Развитие современного русского языка, 1972. М., 1975; Верещагина В. С. Активные процессы образования имен существительных в русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980; Русская разговорная речь. Тексты. М., 1980.

⁵ Ильина Н. Реформатский // Октябрь. 1985. № 1. С. 84—85.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 24—25.

⁸ Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе: (на материале современной русской художественной литературы). Praha, 1970. С. 147.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы). М., 1977. С. 19.

¹¹ Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 119—120.

¹² Там же. С. 120—122.

¹³ См.: Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1971; Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; Ушакова Т. Н. О механизмах детского словоупотребления // *Вопр. психологии*. 1969. № 2; Она же. О причинах детского словоупотребления // *Вопр. психологии*. 1970. № 6; Черемисина М. И., Захарова А. В. Методика исследования окказиональных прилагательных в детской речи // *Фонетика и морфология языков народов Сибири*. Новосибирск, 1972; Цейтлин С. Н. Семантика производного слова и детская речь // Слово как предмет изучения. Л., 1977; Она же. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

¹⁴ См. прим. 13, а также: Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965. С. 179; Богуславская Н. Е., Купина Н. А. Значение слова в восприятии младших школьников и принципы составления учебного словаря. Свердловск, 1975. С. 5—27.

¹⁵ Черемукина Г. А. Лингвистическое и психолингвистическое исследование словообразования: (на материале детской речи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. С. 3.

¹⁶ Л. И. Скворцов отмечает новообразования «молодежного жаргона»: междусобойчик, женатик, климатить, по-честному, по-быстрому и др. См.: Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи: (жаргон и языковая политика). Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5. С. 53—54.

¹⁷ Черемисина М. И., Захарова А. В. Методика исследования окказиональных прилагательных в детской речи. С. 145.

О. Д. КРЫЖАНОВСКАЯ
Свердловский театральный институт
Т. В. МАТВЕЕВА
Уральский университет

Фонетические регионализмы в литературной речи на Урале и пути их устранения при подготовке актеров

Литературный язык, ведущая форма существования национального русского языка, не изолирован от территориальных разно-